

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Г. Я. Асадуллина

(научный руководитель Н. М. Галимуллина)

Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева, г. Казань, Россия

В статье анализируются основные модели мифологической коммуникации. Автор исследует особенности понимания мифа К. Леви-Стросса, Р. Барта, Б. Малиновского. Акцент сделан на особенности применения мифов в коммуникации этапа глобализации.

Ключевые слова: миф, глобализация, семиотика, мифологемы.

MYTHOLOGICAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

G. Ya. Asadullina

(supervisor N. M. Galimullina)

Tupolev Kazan National Research Technical University, Kazan, Russia

In the article the basic models of mythological communication are analyzed. The author investigates a particular understanding of myth by K. Levi-Strauss, R. Bart, B. Malinowski. The emphasis is on the application of myths in the communication phase of globalization.

Key words: myth, globalization, semiotics, myths.

Миф — это «повествование (narrative account) о сакральном, воплощающее коллективный опыт и выражающее коллективную совесть» [1]. Философия трактует миф как основу мифологического сознания — как способ интерпретировать природные явления, мироустройство без опоры на научные факты. С точки зрения семиотики изучение мифа приобретает новую направленность: теперь это не просто основа объяснения явлений, это феномен сам по себе. Миф не просто фиксирует события, в которых человек является сторонним наблюдателем, он описывает явления, в которых сам индивид является участником. В то же время сегодня миф является одним из элементов коммуникации.

Рассмотрим основные мифологические модели коммуникации. К. Леви-Строс первым дал современную интерпретацию структуры мифа. Опираясь на сентенцию, что миф нельзя уничтожить даже при переводе низко-

го, ученый делает вывод, что мифологичность проявляется на ином уровне. Он высказал гипотезу, что сутью мифа являются пучки отношений и в результате комбинаций этих пучков образуются составляющие единицы мифа. Основная функция мифа — когнитивная — заключается в объяснении фундаментальных категорий человеческого разума, состоящих из бинарных оппозиций: мужское–женское, добро–зло, природа–общество и т.д. Таким образом, центральным для Леви-Строса является восприятие мифа как структуры, его теория предполагает, что мифы несут в себе не сообщение как таковое, а некую «вариацию на тему», представляющую собой определенную комбинацию элементов.

Ролан Барт идет по сходному пути анализа современных мифов: «пункт прибытия смысла образует отправную точку мифа» [3, С. 88]. Согласно Р. Барту, все культурные

феномены, все виды коммуникации кодируются в знаковых системах, которые являются продуктом мифотворческой деятельности. По мнению Барта, любое культурно значимое явление представляет собой речевое высказывание, дискурс, являющийся носителем мифического сообщения. Барт исследует миф с точки зрения коннотативной семиологии, анализируя знаковые системы социума в аспекте латентных смыслов, которые не могут непосредственно актуализироваться в сознании воспринимающих в процессе коммуникации, но требуют расшифровки или «чтения». Ученый указывал, что проявления мифа как в виде рекламных сообщений, кинофильмов, ритуалов деловой области обладают «эффектом значения» и служат для информирования, мотивирования, внушения. Обращаясь к своему «читателю», он навязывает ему свою собственную интенцию, но миф не скрывает свои коннотативные значения, он «натурализует» их. Натурализация является основной функцией мифа. Он воспринимается как безобидное сообщение не потому, что его интенции тщательно скрыты, иначе они утратили бы свою эффективность, а потому, что они «натурализованы». В результате мифологизации означающее и означаемое представляются «читателю» мифа связанными естественным образом. Любая семиологическая система есть система значимостей, но потребитель мифов принимает значение за систему фактов. Кроме того, согласно Барту, «прочтение» мифа совершается мгновенно, поскольку он производит непосредственный эффект. Его воздействие оказывается сильнее любых рациональных объяснений, которые могут опровергнуть его позже. По мысли Барта, семиология должна служить для разрушения господствующих идеологических языков, выполнять критическую функцию. Затрагивая проблему разоблачения мифа, Барт считает лучшим средством против мифа мифологизацию его самого или создание искусственного мифа. В этом случае «вторичный миф» будет представлять самую настоящую мифологию. Рассматривая различные явления повседневной культуры — еды, жилища, досуга, структуры города, моды, масс-медиа, литературы, сферы межличностного общения — Барт приходит к выводу, что современная масс-культура в цивилизованном обществе несколько не менее мифологична, чем первобытная культура. Суть мифа остаётся та же — обращение продуктов культуры в «природные вещи». Миф питает сознание людей, живущих в мире вещных ценностей. Анализируя правые и левые идеологии, он отмечает, что

левым не свойственна развитая мифология, потому что их влияние не распространяется дальше политики. Раскрывая функционирование мифов в современном обществе, Ролан Барт центральным для них считает мифологию порядка, консервации существующего [8, С. 36].

Представления Карла Юнга имеют особую ценность для связей с общественностью. Юнг пытался анализировать иррациональное рациональными методами. Этим путем он приходит к понятию архетипа как явлению коллективного бессознательного. Архетипы, описанные Юнгом — Отца, Матери, Героя и др. — часто используются в рекламе и связях с общественностью при создании определенного образа, формируя миф, воздействующий на широкие массы. Юнг считает, что никакая аналитическая техника не помогает его «вспомнить», поскольку оно не было забыто или вытеснено. Он находит его лишь в творчески оформленном материале. "Прообраз, или архетип, есть фигура — будь то демона, человека или события, — повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия. Соответственно мы имеем здесь в первую очередь мифологическую фигуру" [9].

Английский ученый польского происхождения Бронислав Малиновский изучал мифологическую коммуникацию в обществах примитивного типа. Общество, как прошлого, так и настоящего, нуждается в определенных объединяющих его механизмах. Сегодня в этих целях активно используется информационная составляющая в виде СМИ. Отсутствие СМИ в прошлом делало иной значимость ритуалов. Б. Малиновский отмечает публичный характер примитивных культов:

"Ритуалы, связанные с рождением человека, обряды инициации, дань почестей умершему во время оплакивания, похороны и поминовения, обряды жертвоприношения и тотемические ритуалы — все до единого предполагают публичность и коллективность, зачастую объединяя все племя в целом и требуя на определенное время мобилизации всей его энергии" [6, С. 55].

Нам следует подчеркнуть, что это не просто одинаковость поведения, не просто равенство другому в поведенческих моделях, а равенство сакральной норме, откуда и следует равенство другому.

Необходимость публичных ритуалов Б. Малиновский объясняет не только потребностями общества, но и обратными требованиями, например, невозможностью разрешения некоторых проблем на уровне индивиду-

ального сознания. Он пишет о ритуале, связанном со смертью: "Член группы, потерявший близкого человека и сам преисполненный горя и страха, не может полагаться на свои собственные силы. Он не способен только лишь своими силами выполнить должное. Здесь вступает группа. Другие ее члены, не будучи во власти горя, не раздражаемые метафизической дилеммой, способны реагировать на кризис в соответствии с требованиями религиозного порядка" [6, С. 63]. Общество должно было выработать стандартные пути реагирования на кризисные явления, чтобы не допустить разрушения коллективной идентичности. Тем более в социальной психологии зафиксировано, что совместное прохождение трудных ситуаций серьезным образом скрепляет группу. В данном случае религиозный порядок закрепляет позитивную альтернативу – надежду на будущую жизнь.

В этом же плане Б. Малиновский трактует и миф, функцию которого он видит не в том, чтобы рассказывать о прошлых событиях, или выражать человеческие фантазии. Функция мифа – социальна. Он служит "матрицей социального порядка и сводом примеров нравственного поведения" [6, С. 281]. Общество должно иметь набор постулатов правильного поведения, чтобы удержать от мутаций поведение, реализуемое каждый день и час. В другой своей работе он более подробно раскрывает целевое предназначение мифа.

"В примитивной культуре миф выполняет незаменимую функцию: он выражает, укрепляет и кодифицирует веру; он оправдывает и проводит в жизнь моральные принципы; он подтверждает действительность обряда и содержит практические правила, направляющие человека. Таким образом, миф является существенной составной частью человеческой цивилизации; это не праздная сказка, а активно действующая сила, не интеллектуальное объяснение или художественная фантазия, а прагматический устав примитивной веры и нравственной мудрости" [6, С. 99].

Набор информации и действий, имеющих у примитивного общества, достаточно системен. Это единство обеспечивается, в числе прочего, и мифами. На этом уровне мифы, ритуалы и т.д. описывают одно и то же, усиливая общественные составляющие.

"Ритуалы, обряды, обычаи и социальные институты порой заключают в себе прямые мифологические коннотации и считаются производными от тех или иных мифических событий. Культурный факт является памят-

ником, в котором воплощен миф, а миф считается подлинным источником, из которого родились мораль, социальное группирование, обряды и обычаи. Таким образом, священные сказания – это функционально интегрированная часть культуры" [6, С. 101].

По утверждениям Б. Малиновского миф нельзя отнести к сконструированной реальности, они отражают реальность, на котором обосновываются ритуальные и моральные мотивы.

Миф способен "разрешить" определенные проблемы социально-обусловленные и важные для общества. Такое понимание соответствует представлениям Б. Малиновского о функциональном анализе в культуре: "Культура представляет собой, по существу, инструментальный аппарат, благодаря которому человек получает возможность лучше справляться с теми конкретными проблемами, с которыми он сталкивается в природной среде в процессе удовлетворения своих потребностей" [6, С. 683].

В качестве примера можно привести миф о бессмертии, который, по мнению Б. Малиновского, является не интеллектуальным ответом, а "определенным актом веры, рожденной из глубочайшей инстинктивной и эмоциональной реакции на самую страшную к навязчивую идею" [6, С. 107]. Вероятно, в этом же плане функционируют слухи, поскольку их распространение в значительной степени зависит от совпадения в определенной степени с мифологическими представлениями об устройстве современного мира. Например, при постулате "все чиновники – коррупционеры" хорошо распространяется слух о том, что у чиновника Х обокрали дачу и вынесли вещей на сто тысяч долларов.

Миф функционирует не в рассказывании, а в процессе всей жизни человека примитивного общества. Рассказывание служит лишь кристаллизацией уже существующих в его сознании правил устройства мира и правил поведения.

"Миф "говорит" туземцу гораздо больше, чем реально говорится при его пересказе; в рассказе содержатся лишь конкретные сведения о характерных обстоятельствах мифологической истории данной местности; истинный смысл мифа, фактически вся его суть, заключены не в рассказе, а в принципах социальной организации, которые туземец усваивает не тогда, когда прослушивает фрагментарные пересказы мифов, а непосредственно в процессе социальной жизни, постепенно постигая свое социальное окружение и устройство своего племени. Другими слова-

ми, именно контекст социальной жизни, а также последовательное постижение того, что все, что велят ему делать, имеет свой прецедент и образец в ушедших временах, ставит в его сознании на свои места, содержащиеся в мифе сведения" [6, С. 113].

Вторая половина XX столетия обозначила целый ряд подходов к видению будущего человечества в условиях глобализации. Были предложены различные варианты комплексного решения глобальных проблем, возникших либо обострившихся в условиях резкого ускорения научно-технического прогресса.

О.А. Вусатюк в своей статье «Мифология «цивилизационного выбора» и её роль в размывании современной восточнославянской идентичности» обозначил три базовые модели макроисторической (глобальной) трансформации.

Доминантной, на его взгляд, является неоглобалистская модель трансформации, сверхзадача которой – достижение мирового господства США и превращение всего мира в его «сферу жизненных интересов». Основным путями для достижения этих целей является комплекс действий, направленных на устранение любых возможных (даже в будущем) конкурентов на пути к ней. Причем удар наносится не по экономике, а по культуре – т.е. фундаменту любой страны.

Второй базовой моделью является неомодернистская модель самоутверждающего развития, задачей которой является не только экономическое развитие, но и сохранение при этом культурной самобытности страны и её политической самостоятельности.

Третья модель – модель дрейфующей трансформации – не имеет полной самостоятельности и служит чужим интересам. Основной её задачей является нивелирование всех прошлых достижений заданных государств, переводение страны в подвешенное состояние и утрату ею творческого импульса и самостоятельности [4, С. 191].

Если принять этот подход за основу, то можно говорить о том, что каждая из базовых моделей макроисторической трансформации, по-видимому, имеет в своем распоряжении соответствующий ряд мифологем. Помимо мифологем, активно создающихся самим Западом для «внутреннего потребления» и для «всех остальных», во многих странах появляются ответные мифологемы, поддерживающие тенденции к стремлению попасть под европейский (или американский) протекторат. Работа А.С. Ахизера, И.М. Клямкина и И.Г. Яковенко, известных российских учёных и авторов монографии «Истории России: конец

или новое начало?» акцентируют внимание, в первую очередь, на том, что история России наполнена катастрофами и, по сути, состоит из них. А поэтому лучшим для России вариантом было бы интегрироваться всё-таки в западную цивилизацию, а не пытаться идти собственным путем, поскольку нецелесообразность таких попыток обусловлена историей [2, С. 708].

Помимо общественно-политических проблем поднимаются вопросы о «культурной» глобализации. Основным аргументом её приверженцев является, прежде всего, то, что глобализация способствует налаживанию контактов между государствами (геополитический баланс), «диалогу культур», а значит в некоей мере – и между гражданами различных государств. «Общечеловеческие» ценности открывают возможности для ведения конструктивных диалогов, в которых собеседники способны понять друг друга. Помимо этого, акцент делается на том, что происходит сближение деловой и политической культуры между государствами, возрастает значение английского языка (как языка международного общения). Всемирная сеть Интернет позволяет легко получать информацию и способствует общению, а так же распространению фильмов, передач и программного обеспечения. Мобильность информации, порожденная глобализацией, превращает индивидов в «граждан мира». Но все эти блага цивилизации априори считаются западными достижениями, а значит и ведущая роль в процессе глобализации вновь отводится Западу.

В тоже время, неомодернистскую модель самоутверждающего развития можно назвать не только альтернативной, но и той, которая критически рассматривает первую, неоглобалистскую модель. Так, по словам А.С. Панарина «в лице современного глобализма мы имеем дело с новейшей формой нигилизма, ищущего себе алиби в так называемых объективных тенденциях» [7, С. 5]. Иными словами, при всей внешней положительности процесса, происходит последовательное отстранение обществ, попавших под воздействие глобализации, от норм и традиций, им присущих. Американский публицист Н. Чомски в своей книге «Новый военный гуманизм» 1999 года указывает на постоянное применение военной силы Соединенными Штатами, и критикует позицию США о том, что у наиболее «просвещенного» государства есть права делать то, что оно считает нужным посредством силы [2, С. 708]. По мнению А.А. Гезалова, глобализация меняет миро-

воззрение в сторону более сложной комбинации глобального и локального, универсального и партикулярного. Помимо этого, происходит трансформация духовных сфер общества, которые формируют личность [5, С. 168]. Также под воздействием глобализации расшатываются традиционные системы ценностей, что ведёт к кризису ценностей в ряде обществ. По этим и другим причинам миф о глобализации как единственно положительном процессе в существующих условиях является неустойчивым. О.А. Вусатюк делает вывод, что никакого реального «цивилизационного выбора» на самом деле не существует, а главной задачей реализации мифологемы «цивилизационного выбора» является максимально долгое удержание общества в неуправляемом и «подвешенном» состоянии [4, С. 198].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аберкромби Н. Социологический словарь: пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер / под ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. – 620 с.
2. Ахиезер А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. – М.: Новое издательство, 2005. (Исследования Фонда «Либеральная миссия»).
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
4. Вусатюк О.А. Мифологема «цивилизационного выбора» и её роль в размывании современной восточнославянской идентичности // Восточнославянская цивилизация: история и современность. Сборник материалов международной научно-общественной конференции / отв. ред. П.П. Толочко. – Киев–Минск–Москва: «Русское слово», 2013. – 240 с.
5. Гезалов А.А. Глобализация и мировоззрение // Вопросы философии. – М.: Наука, 2012. – № 7. – 192 с.
6. Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М., 1998. – С. 113.
7. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО, 2002. – 416 с.
8. Резепов И.Ш. Психология рекламы и PR: учеб. пособие. – М.: Дашков и Ко, 2007. – 222 с.
9. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL/<http://pedlib.ru> (дата обращения 15.12.2016)

Асадуллина Галия Якуповна – студентка

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, г. Казань, Россия